

18+

Виталий Мур
АПДЕЙТ ТУРГЕНЕВА

Сборник рассказов

Виталий Мур

**Апдейт Тургенева.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Мур В.

Апдейт Тургенева. Сборник рассказов / В. Мур — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-674385-4

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Книга «Апдейт Тургенева» — вторая издаваемая книга автора. В ней собраны рассказы разных лет, не вошедшие в первый сборник. Большинство рассказов написаны в период с 2016 года по настоящее время. Некоторые рассказы способны удивить массового читателя неожиданными поворотами сюжета и интересными перипетиями человеческих судеб. К таким можно отнести «Апдейт Тургенева», «Квартирный вор», «Везение» и некоторые другие. Способны вызвать улыбку и несколько юмористических рассказов о чуде Петровиче.

ISBN 978-5-00-674385-4

© Мур В.

© Издательские решения

Содержание

Апдейт Тургенева	6
И на старуху бывает проруха	9
Скрипичный прогульщик	12
Двор	12
Гастролер	13
Музыкальная школа	14
Преступление без наказания	15
В итоге	18
Чернобыльский ячмень	19
Квартирный вор	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Апдейт Тургенева Сборник рассказов

Виталий Мур

Иллюстратор Валерия Михайловна Соловцова

Иллюстратор Аркадий Федорович Задорожный

© Виталий Мур, 2025

© Валерия Михайловна Соловцова, иллюстрации, 2025

© Аркадий Федорович Задорожный, иллюстрации, 2025

ISBN 978-5-0067-4385-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Апдейт Тургенева

Посвящаю Ольге Васильевне Мишаковой (Короленко), Заслуженному Учителю России

Актера Виктора Дремова выгнали из театра за цирк, который он устроил из спектакля по рассказу Тургенева. А все началось таким образом.

В театральное училище Виктор поступал трижды и взял членов вступительной комиссии измором, замучив их исполнением басни «Лиса и виноград». Окончив училище, Дремов получил назначение в провинциальный театр в «медвежьем углу».

Однажды при распределении ролей в спектакле «Муму» Дремову поручили играть глухонемого крепостного дворника Герасима. Несмотря на то, что Герасим являлся главным героем спектакля, актер остался недоволен ролью и завидовал коллегам. Например, роль «местной Салтычихи», как называли барыню, дали Наталье Семенихиной. «Конечно, и дураку понятно, почему дали роль этой Семенихиной! Все в театре знают! – завидовал Дремов. – Спит она просто с главным режиссером, вот и все дела. А кого же поставит Анатолий Ефремович на такую роль, как не свою любовницу? И что мне теперь делать? Ходи, понимаешь, по сцене, мычи, как остолоп, и вращай зеркалами души».

Дремов не выдержал несправедливости, подошел к Квиткину и спросил:

– Анатолий Ефремович! Почему вы мне дали роль Герасима? У меня же в ней нет никаких реплик. Что я буду делать на сцене? Топтаться на месте или ходить из угла в угол, как придурок? Не могли бы вы дать мне что-нибудь другое?

Режиссер ответил:

– Виктор Семенович! Милый вы мой! Какие могут быть реплики у немого Герасима? Окститесь! А чем вам, собственно, не нравится роль Герасима? Роль, во-первых, одна из самых важных. Вспомните, много ли вы главных ролей сыграли? То-то же. Я считаю, голубчик, что вам еще крупно повезло. А во-вторых, понимаете, вы просто по комплекции подходите. Вы – мужчина с габаритами, под метр девяносто, кажется. Кого же мне, батенька вы мой, изволите ставить? Евгения Сулькина? Так у него роста того, ха-ха-ха, – вообще метр с кепкой. Василия Ванькина? У него средний рост, метр шестьдесят пять, – Герасим из него, согласитесь, получится тоже не натуральный. Олега Степушкина? Так он на больничном сейчас. Тоже отпадает. Так что, Виктор Семенович, милейший вы мой человек, отсылаю вас к великому писателю земли русской. Предъявляйте свои претензии Ивану Сергеевичу. Я тут ни при чем.

Дремов не желал сдаваться и продолжил атаку на Квиткина:

– Да Степушкин не просыхает уже неделю, вот и весь его больничный! Будто вы, Анатолий Ефремович, не в курсе? Да ладно, не в этом суть. Разве дело в росте Герасима? Главное, – не в сходстве физическом. Главное, чтобы зрители поверили, какой Герасим, несмотря на свой недуг, нежный, любящий, ранимый и страдающий человек!

Квиткина порадовало такое возражение, и он парировал:

– Вот-вот! Вы правы, Виктор Семенович. Как раз вы и покажете, какой Герасим нежный, любящий, и какая у него тонкая душевная организация! Вам и карты в руки, Виктор Семенович! Все! Ступайте к себе, не мешайте мне, не мешайте.

«Кажется, я что-то не то ляпнул, – подумал Дремов и, раздосадованный, побрел в свою примерку. – Хорошо, Анатолий Ефремович, погодите! Я вам еще покажу, какая у Герасима тонкая душевная организация. Вы у меня еще попляшете».

Далее, подбирая грим, строя различные рожицы в поисках удачной мимики лица, приходящего по мнению Дремова крепостному молчуну, и прикидывая, как играть роль Герасима, актер вдруг рассмеялся от одной забавной мысли.

«А что? Так и сыграю, ей-богу! Так и сыграю! Будет вам и нежность, будет вам и тонкая душевная организация! И вы, господин режиссер, у меня еще катар сердца получите. А тогда уж делайте со мной, что хотите. Плевать!»

Месяц прошел в репетициях, которые проходили, как обычно – по планам и указаниям режиссера Квиткина.

За день до премьеры Дремову приснилось, что он затащил в реку лодку и прыгнул в нее на ходу. Отплыв от берега на середину реки, он заметил на дне лодки лежавшую ладную собачку, спаниеля, – с длинными ушами, пушистым хвостом в виде трубы и большими выразительными глазами. Собачка неожиданно заговорила:

– Ну что, Виктор Семенович, делай свое черное дело: вяжи кирпичи на бедную собачью шею, бросай меня в темные воды. И пусть сомкнутся навеки они над моей несчастной головошкой. Ты мне, Виктор Семенович, хотя бы щец дал испробовать напоследок.

– Каких щец? И причем здесь кирпичи на шею? А? – спрашивал актер растерянно. Но тут же его осенило, что снится ему одна из заключительных сцен предстоящего спектакля.

– Каких, каких... С мясом и хлебом, вот каких! – сказала Муму и завилела хвостиком. – А ты что, в школе не учился? В пятом классе вроде «Муму» проходят.

– Да учился я, учился, – раздраженно отвечал Дремов. – Но шей у меня для тебя нет – ни с мясом, ни с хлебом.

– А как же ты топить меня собрался, Виктор Семенович? Ведь согласно автору ты накормить обязан сначала.

В этом интересном месте Дремов проснулся.

Наступил день премьеры. Зал был почти заполнен. Занавес со скрежетом раздвинулся, зрители прекратили кашлять, чихать и сморкаться, и спектакль начался. Все, вплоть до последнего действия шло нормально. В последнем акте зрительный зал увидел на сцене деревянную конструкцию, изображавшую лодку, в которой сидел богатырь Герасим и привязывал два кирпича к собачьей шее. Собачку изображала из себя не какая-нибудь бутафорская кукла, а самое настоящее живое существо породы спаниель. Чтобы Муму лежала в лодке смиренно и не убежала прочь со сцены, перед спектаклем ей дали проглотить кусочек говяжьего огузка с таблеткой слабого снотворного.

Далее зрителей ожидало нечто неожиданное. Вместо того, чтобы накормить Муму, изобразить на лице трагическую мину, сделать горестную паузу, во время которой резко повышался адреналин у зрителей, ожидавших печальной концовки, а затем попрощаться с четвероногим другом и выкинуть Муму за борт, – Герасим поднялся в лодке в свой полный могучий рост, повернулся к зрительному залу, широко раскинул руки и... возопил:

– А-а-а! Люди! Не могу молчать! Нету мочи больше молчать! И так уже полтора столетия молчу по воле Ивана Сергеевича. Ну уж дудки! Пора уж настала сказать мне слово, накипевшее в моем сердце. Боже мой! Боже мой! Как же мне надоела эта маниакальная садистка барыня со сладкой улыбкой на сморщенных губах. Она для меня – это олицетворение затхлого, удушливого крепостного права по всей Руси. А эта милая подружка Муму, эта чудная собачонка – это же просвет в моей одинокой и забитой жизни. И вся моя несчастная судьба – это следствие гнета помещиков и царского самодержавия над бедным классом крестьян, закрепощенных вековым бесправием и рабством. А я не хочу такой жизни, я стремлюсь к лучшему, высокому, чистому; я стремлюсь к яркому свету, вот к чему душа моя устремлена! Не будет по воле господской, не буду я топить самое сокровенное, самое любимое чадо Муму в речной пучине. Я возьму ее на руки, и уйдем мы с ней по пыльным дорогам в мою деревню, освещаемые добрым ласковым солнцем!

Дремов при этом закатил глаза, а от лица его исходила счастливая аура.

Из-за кулис выглянул Квиткин, обалдевший и взбешенный от незапланированного изменения сценария. Революция, происходящая в последнем акте, повергла его в шок. Анатолий

Ефремович стал делать быстрые знаки Дремову, крутя пальцем у виска. Дескать, ты что, брат, творишь, совсем с ума сошел?

Затем Квиткин, пошатываясь, добрался до своего кабинета и принял сердечный порошок. Когда сердце его несколько отпустило и темнота в глазах прошла, он подумал: «Так... Меня теперь точно уволят. А может, обойдется? А Дремова, этого ничтожного клоуна, вон из театра! Немедленно, вон! Сегодня же!»

А в зрительном зале возникло оживление. Кто-то смеялся, были и возмущенные голоса, но весь шум покрывала буря зрительского восторга. Никто не ожидал такой новации. Единственный местный театральный критик, сидя в ложе, говорил на ухо соседу:

– Вот не ожидал от Квиткина такого понимания Тургенева. Оригинально! Оригинально! Полный сюрреализм! Новое слово в театральном искусстве!

А между тем на сцене Герасим вынул нож из кармана, после чего в зале воцарилось тревожное затишье. Затем обретший дар речи дворник разрезал веревки на шее Муму и выкинул из лодки злосчастные кирпичи. Взял собачку на руки, поднял ее высоко над собою и с гордо поднятой головой решительно ушел со сцены.

В зале долго не смолкали бурные рукоплескания.

И на старуху бывает проруха

Тридцатидвухлетнюю Ольгу Николаевну знали в одном из микрорайонов Коломны, как школьную учительницу русского языка.

Тот факт, что она вышла замуж лишь с третьей попытки, для большинства жителей не являлось большим секретом. Некоторые горожане считали, что виноваты были строгий характер и какая-то странная принципиальность Ольги Николаевны.

В школе, в которой учительствовала Ольга Николаевна, было известно, что ученикам она могла многое простить, но только не плохое знание своего предмета – русского языка. И тогда пощады не жди: часто школьнику приходилось в течение нескольких недель пересдавать тему урока.

Похожее отношение Ольга Николаевна проявляла и при выборе спутника жизни. Главным критерием при этом была не внешность или приемлемые черты характера человека, состояние его кошелька и т. п., а образованность и начитанность, особенно ценилась правильная русская речь.

Первый ухажер Иван Васильевич обладал внушительной внешностью, носил усы и бакенбарды, и был очень умен. Работал в должности финансового директора завода газированных напитков. Два месяца он волочился за Ольгой Николаевной, дарил дорогие подарки и цветы, но срезался и был вычеркнут из женихов после каверзного вопроса о происхождении известного выражения «дойти до ручки».

Второй кандидат в счастливицы Николай Петрович был менеджером по логистике. Ухаживал за учительницей он полгода и очень нравился Ольге Николаевне за остроумие. С ним было очень весело и легко. Николай Петрович был страстно влюблен в педагога и водил любимую женщину во все известные в городке культурные заведения: например, в «Музей исчезнувшего вкуса», где были выставлены разнообразные образцы коломенской пастилы. Парочка посетила также и знаменитую оружейную комнату в «Кузнечной слободе», где с интересом наблюдала процессковки древних русских мечей. В целом, учительница уже готова была соединить свою судьбу с менеджером по логистике. Однако, как-то раз, после посещения одного из кинозалов и просмотра очередного американского боевика, в котором главный герой «одним махом всех побивахом», Николай Петрович оплошал. При выходе из кинотеатра на улицу он замешкался и не успел подставить свой локоть Ольге Николаевне, которая поскользнулась и едва не грохнулась в осеннюю лужу.

– Какой вы неловкий сегодня, – пробормотала молодая женщина, отряхивая полы демисезонного пальто.

– Так склизко же, – попытался оправдаться менеджер по логистике.

Однако лучше бы он промолчал. Взгляд Ольги Николаевны был красноречив и говорил сам за себя. Она была сражена этим словом. Она смотрела на менеджера, как на последнего бомжа и алкоголика. Это же надо! Сказать ей, учительнице русского языка, такое грубое нелитературное и простонародное слово «склизко»! Это чересчур! И Николай Петрович последовал вслед за Иваном Васильевичем, то бишь также был беспощадно вычеркнут из списка кандидатов в мужья Ольги Николаевны.

Третий кавалер Вениамин Иванович оказался подающим большие надежды местным актером и более везучим, нежели предыдущие два ухажера. Он с детства любил книги и читал все подряд. Интересовала его и этимология слов и выражений русского языка. И ответы на проверочные вопросы, которые Ольга Николаевна невзначай, как бы случайно, задавала при прогулках по городу Вениамину Ивановичу, были успешны и вполне удовлетворяли женщину. Актер знал происхождение множества общеупотребительных слов и выражений, как то: трус, прелесть, сволочь, врач, подлец и т. п. А поэтому свадьба была предрешена.

В дальнейшей актерской карьере Вениамин Иванович не преуспел, поэтому со временем все более активно прикладывался к бутылке и участвовал в театральных попойках после сыгранных спектаклей. К сорока годам он уже превратился в совершенного пьяницу. Тем не менее, Ольга Николаевна его не бросала, верила в талант мужа, верила его бесконечным обещаниям бросить пить и взяться за ум. Родила ему двоих детей, мальчика и девочку, напрасно надеясь, что дети образумят супруга, и он покончит с кутежами.

В возрасте пятидесяти двух лет Вениамин Иванович неожиданно скончался от диабета.

Дети выросли, завели свои семьи, и уже не требовали большого участия в их жизни.

А Ольга Николаевна увлеклась чтением книг о русских поэтах и писателях. Например, ее очень интересовала история дуэли Пушкина с Дантесом. Когда на эту тему Ольга Николаевна перечитала все, что смогла отыскать, то взялась перечитывать поэзию Александра Сергеевича. И однажды ей на глаза попались строки:

«Могилы склизкие, которы также тут
Зеваючи жильцов к себе на утро ждут».

Почему-то эти строчки взволновали ее. Они что-то напомнили ей. Но что? Вспомнила, вспомнила, что это ее кавалер Николай Петрович говорил ей слово «склизко». Так, оказывается, у Пушкина тоже употребляется это словечко?

Ольга Николаевна заглянула в словари, наведальась даже к Ушакову и Далю. Ей стало худо, паршиво и скверно на душе. Оказывается, слово «склизко» – вполне литературное? Ах ты, боже мой! Как же ты, учительница русского языка, так опростоволосилась? Какая же ты была молодая дура? Вот так, из-за какого-то пустяшного словечка, из-за абсолютной чепухи, сделать из мухи слона? Ты, может, Ольга Николаевна, жизнь себе разрушила? У тебя, может, и жизнь по-другому бы сложилась? Более счастливо. Николай Петрович, хороший человек был, любил, наверное, тебя. Да. Ведь точно любил. И Ольге Николаевне стало казаться, что и она любила когда-то Николая Петровича.

Ольга Николаевна подошла к серванту и достала бутылку пятизвездочного армянского коньяка. Затем выпила несколько глотков обжигающего напитка прямо из горлышка в надежде заглушить поднимающееся в душе чувство непоправимой утраты и горечи.

Скрипичный прогульщик

Двор

Городок Миллерово в первой половине шестидесятых. Напротив железнодорожного вокзала – маленький двор. Во дворе – война.

– Тра-та-та, тра-та-та, – веснучатый Валерка плотно прижимался к траве за кустом золотой колючки, стараясь избежать воображаемых пуль, и стрелял из свежевystруганной палки, изображавшей из себя немецкий «шмайсер».

– Бах-бах-бах, – круглолицый Сашка отвечал одиночными выстрелами из пластмассовой винтовки, прячась за мелким терновником.

– Так нечестно! Я попал, ты убитый – падай и больше не стреляй! – вопил на весь двор «фашист» Валерка.

– Нет, я только ранетый, – не соглашался «красноармеец» Сашка. – Потому я героически сопротивляюсь. Понял, Валерка?

Со стороны за спорящими наблюдал девятилетний Витька. Ему надоело делать домашние задания, и он незаметно улизнул из дома. Решившись, Витька подошел к «участникам войны» и запросился в армейские ряды.

– Витька, наши армии укомплектованы, – важничал Валерка, надувая щеки, и с ехидцей добавлял. – Так что, приходи завтра!

Получив отказ, Витька побрел к мальчишкам, гонявшим ниппельный мяч по пустырю за сараями. Но мальчику не везло. В футбольную баталию его тоже не приняли.

Витька заскучал и возвратился домой.

Гастролер

В дверь постучали. Открыла Мария Федоровна, Витькина бабушка. На пороге – цыганского вида мужчина с прямоугольным футляром и сумкой.

– Здравствуйте, хозяйшка! Не сдадите комнату на недельку?

– А почему к нам?

– Та вы же рядом с вокзалом. С поезда я. Гастролирую.

– А что за сундук держите? Да и звать-то как вас?

– Григорий Иванович Беженарь. В футляре – баян тульского завода, кормилец мой, – устало объяснил баянист. – Ну, что, хозяйшка, пустите?

– Ну, что ж, живите, коли жилье вам подойдет.

Витька, склонив курчавую голову над тетрадь в клетку, записывал чернильным пером условие задачи. Муха золотисто-зеленая нагло ползала по тетрадке, затем перелетела к угловому табурету. На нем – баян с серебряной инкрустацией по боковинам. Кнопки басов под игривыми солнечными бликами подмигивали яркими красками. Уголки мехов отсвечивали начищенной до блеска медью. Витьке Григорий Иванович разъяснил: инструмент концертный, изготовлен по индивидуальному заказу.

По нраву мальчику заезжий музыкант – веселый, басовитый, с черной маленькой бородкой. По утрам на поскрипывающих ступеньках крыльца помогал Витька умываться гостю – щедро обливал из ковшика волосатые руки, шею и спину филармониста. При этом заливался счастливым смехом беззаботно и беспричинно.

– Дядя Гриша, а на баяне, чтобы хорошо выучиться играть, как вы, это долго надо учиться?

– Ой, малец, даже не знаю, что тебе сказать. Лет десять, наверное, понадобится. И еще это зависит от того, сколько часов в день ты давишь на клавиши. Понял?

– А вы, сколько часов давили, дядя Гриша?

– По-разному. Но несколько часов в день – точно занимался.

Музыкальная школа

Давно уже съехал с квартиры Григорий Иванович. Все о нем забыли. Помнил его лишь один Витька. С тех пор приставал он к маме своей, Клавдии Тихоновне. Приставал, как репей степной: отдайте меня учиться играть на баяне.

Пришлось купить баян, уступив настойчивости мальчика. Пошли в музыкальную школу, делившую с кинотеатром старое двухэтажное здание в центре города. Завуч Татьяна Николаевна, высокая молодая брюнетка, объявила: в этом учебном году по классу баяна мест нет.

– Ну что же вы? Опоздали вы с баяном. А не желаете ли отдать мальчика в скрипичный класс? Есть места. Советую. Дело хорошее, – предлагала завуч. – Очень интересный и оригинальный инструмент. Не пожалеете. Тем более, оплата за скрипичные уроки – сущие пустяки. Всего рубль пятьдесят в месяц. А баян дороже бы обошелся – двенадцать рублей. Мальчик у вас крупный, наверняка, сразу с «половинки» скрипки начнет. В магазине игрушек, что на улице Ленина рядом с пожарной частью, можете купить наш отечественный инструмент за семь рублей, а также футляр за два рубля. Деньги небольшие. Подумайте.

Подумали. Спросили Витьку.

– Ну, отдайте меня хоть на что-нибудь! Скрипка, так скрипка! – горячась, соглашался Витька.

Преступление без наказания

– Сынок! Витюша! Вставай! На скрипку опоздаешь, – Клавдия Тихоновна осторожно беспокоила сыновье плечо.

– Мам! Я еще посплю, ну, минуток пять еще.

Через пару минут Клавдия Тихоновна опять – в комнате сына:

– Всё, сыночек, вставай, у тебя пять минут, чтобы собраться, и пять минут, чтобы дойти до музыкальной школы.

– Хорошо, мамуль, – выдавил из себя школьник.

Из разных углов посыпались вопросы:

– Мам! Где моя зубная щетка? А куда ты положила мои ботинки? Мам! Не нахожу скрипку. А ноты мои где?

Выйдя со двора на улицу, Витя, не оглядываясь, засеменил по брусчатке, беззаботно размахивая скрипичным футляром и папкой для нот. Школьник знал, что мамин взгляд из окна сопровождает его до поворота на Ленинскую.

А вот и поворот на улицу Ленина. Потенциальный Ойстрах остановился и с наслаждением потянулся. Ох, как хочется спать! Всё! Спешить теперь некуда. В музыкальную школу идти нет никакого желания. Сорок пять минут урока в полном распоряжении Витьки.

Вот уже неделю он прогуливал уроки скрипки. Витька себя оправдывал: разве можно назначать урок в такую рань?! Разве можно ребенка обучать скрипичному мастерству с шести тридцати утра? Да и занятия давались тяжело. Алла Матвеевна заставляла минутами правильно и неподвижно держать смычок. Сначала смычок в пальцах вел себя почти неподвижно, но уже через минуту начинал предательски дрожать. Настоящая пытка. При этом раздраженная учительница переставляла в нужную позицию пальцы правой руки на смычке либо пальцы левой руки на скрипичном грифе с такой силой, что возникало чувство боли.

– Виктор! Неужели я говорю в пустоту? Неужели так сложно правильно держать смычок? Сто раз тебе повторяла и в сто первый скажу – представь, что ты держишь в руке яблоко, – выговаривала Вите Алла Матвеевна.

«А эти скучные гаммы и арпеджио? А взять песни „Сулико“ или „Вот кто-то с горочки спустился“? И кто только их придумал – тоска зеленая. Может, кто-то и выдержит это всё, но это буду не я», – думал маленький прогульщик.

Витька неспешно прогуливался по парку, дышал бодрящей утренней прохладой и любовался Мазмановым фруктовым садом, названным по фамилии создателя. Пробовал яблоки на вкус. Кислятина! Слева от него – стадион «Спартак». Заходил внутрь и бродил по беговым дорожкам. Скучно. Дошел по аллее до большого каменного фонтана с медными лягушками, пугавшими посетителей парка выпученными глазами и громадными пастями, из которых со свистом вырывались на свободу голубые струи.

Школьник взглянул на часы, висевшие у входа в парк. Всё! Семь пятнадцать. Время окончания урока. Витька присел на скамейку, вынул из нотной папки дневник и записал комментарии по прошедшему уроку от имени Аллы Матвеевны: «Играл хорошо. Молодец! Оценка – четыре».

Перед входной дверью квартиры сына встретила Клавдия Тихоновна.

– Четверка! – ответил Витька на вопросительный мамин взгляд.

Неделю спустя в музыкальной школе состоялось собрание. В центре зала – Витька с пунцовым лицом. Мальчик крепился из последних сил – только бы продержаться без слез. Учителя с равнодушными лицами сидели полукругом и негромко переговаривались. Отдельно от них – Иван Петрович, директор, полный мужчина невысокого роста. На его лице – сочувствие к виновнику «торжества». Вероятно, сам в детстве был сорванцом. Первое слово предложили Алле Матвеевне.

– Сил никаких моих нет! Можяев уже две недели лоботрясничает и прогуливает занятия. Дальше терпеть такое положение нельзя. За постоянные прогулы предлагаю исключить Виктора из музыкальной школы.

Затем выступила завуч музыкальной школы Татьяна Николаевна:

– Ну что же, мнение учителя понятно. Кто за или против предложения об исключении Можяева, прошу голосовать. Вроде все – за. А вы, Владимир Маркович? За или против? Вы голосовали?

Владимир Маркович, высокий тридцатилетний брюнет с выдающимся подбородком, широко улыбался, блестя черными насмешливыми глазами. Не спеша, опираясь на спинку стула, преподаватель поднялся.

– Да вы не вставайте. С места говорите, Владимир Маркович, – попросила завуч.

– Уважаемые коллеги, я тоже, как и Алла Матвеевна, преподаю по классу скрипки. Но я бы не советовал разбрасываться учениками. Тем более скрипка не так популярна у ребят, как баян или фортепьяно. Исключить Виктора можно. Пять секунд и готово! А вот как сделать так, чтобы Можаяев учился? Вот в этом задача педагога!

Завуч поднялась с места.

– Замечательно, Владимир Маркович, я вас поддерживаю! Мы, наверное, не всё сделали, чтобы ученик остался в стенах музыкальной школы, – она сделала небольшую паузу, обведя взглядом всех присутствующих, и предложила. – А почему бы вам, Владимир Маркович, не взять Витю в свой класс?

Преподаватель от неожиданности присел на стул и опустил голову.

Собрание ожидало его реакции.

– А что? Не вижу причин отказываться от Можаяева! Тем более я его знаю – жил полгода по соседству. Хороший мальчик. Ну что же? Назвался груздем... и так далее, как говорится, – не поднимая головы медленно произнес Владимир Маркович.

В итоге

Воодушевленный Витька не шел с собрания, – летел.

«Всё! Хватит лоботрясничать! С завтрашнего дня скрипку в руки и – вперед с песней! – пообещал он себе решительно. И добавил, смеясь и радуясь, что собрание закончилось для него благополучно. – С песней „Сулико“!»

Чернобыльский ячмень

г. Миллерово, улица Вокзальная, 26 (Фото автора)

Посвящаю Володечке Ромашенко

Я торопливо шагал, почти бежал, по Вокзальной улице, и настроение мое было хоть куда! Через подошвы старых штиблет чувствовалась знакомая мне с малых лет мелкая брусчатка.

От вокзала дул слабый ветерок, насыщенный крепкими запахами просмоленных шпал и паровозного дыма.

Убегали назад высокие стройные тополя с припаркованными под ними «Жигулями», мост через железнодорожные пути и низенькие частные дома из красного и белого кирпича, и лишь маленькая часть домов имела нарядный вид.

Промелькнула окатившая меня холодными брызгами колонка, из которой набирала воду в белое пластиковое ведро пожилая цыганка в красной платке и халате с закатанными рукавами. Мне показалось, что я хорошо знаю эту женщину. Два подростка сидели рядом с колонкой на корточках и провожали меня чересчур любопытными взглядами. Дорогу мне перебежала черная кошка, поселив в моей душе тревожное чувство. Что-то знакомое и давно забытое мелькнуло мимо меня. Я остановился и присмотрелся. На меня почти падали старенькие полуразвалившиеся ворота какого-то двора. С ними заигрывал ветер. Створки то медленно открывались с жутким скрипом, то быстро схлопывались. Ну, конечно. Нет сомнений! Это же моя альма-матер – двор моего детства. Я с замиранием сердца юркнул в ворота и увидел потрескавшийся брус родного черного барака. Чуть дальше столкнулся с запомнившимися на всю жизнь ступеньками. Они прогнили, истощились и прогибались под тяжестью человека. Рядом рос тополь, под ним – крепкая широкая скамья. Помнится, я часто в детстве сидел на ней,

срывал с дерева какой-нибудь листик и хлопал по нему ладошкой так, чтобы появлялась дырка. Какое-никакое, а все же развлечение.

Недалеко от барака ярко-красным пятном выделялся мотоцикл «Ява». С ним возился парень в старой рабочей спецовке, до блеска измазанной в мазуте. Не узнать его я никак не мог. Это друг детства Сашка Кекенёв по кличке Пижон. Лицо его было круглым, как луна, а взгляд – подозрительным и недоверчивым. Повёл он себя довольно странно. Долго всматривался в моё лицо и вдруг принялся плевать.

– Сань, ты что, спятил? – вскричал я.

– Терпи, Витек, тебе это только на пользу.

В это время я почувствовал резкую боль в правом глазу. Боль ускорила пробуждение. Лежа в кровати, моргал в надежде, что всё пройдет. Не проходило.

«Неужели, опять ячмень?» – с этим вопросом я окончательно проснулся. Зеркало не утешило, – а наоборот, испугало. Действительно, – он, ячменюга матерый! Красавчик! Ишь, устроился, паршивец, в уголке правого глаза и празднует во всю ивановскую. В левом глазу тоже заметил ячмень. Да, маленький, еле заметный. У него еще все впереди, и он, слава богу, пока вроде не беспокоит.

«Ну, сколько можно? Когда все это кончится?» – я почувствовал себя глубоко разочарованным, напялил на ноги тапки и проковылял в ванную. Через десять минут я уже шел по направлению к штабу. Улица, казалось, улыбалась от переполненности майским солнцем.

В штабе первым встретился старший лейтенант Сергей Лутченко. По должности «дозик». Так ласково мы здесь называем офицеров-дозиметристов. По характеру Серега громогласный, непоседливый, и большой любитель вставлять в свою речь «ни к селу, ни к городу» эпитеты и сравнения.

Лутченко поинтересовался, как я вчера съездил на задание. Я начал с энтузиазмом рассказывать:

– Меня начальник группы Пикалова послал на замеры участка железки недалеко от Рыжего леса. Знаешь, Серега, я впервые почувствовал, как шевелятся волосы под пилоткой – стрелка дэ пэ пятого зашкалила.

«Дозик» внимательно смотрел на мои ячмени, не обращая внимания на мой душешипательный рассказ о волосах под пилоткой.

– Витька! – без церемоний прервал меня Лутченко, крепко стукнув меня по плечу. – А я точно знаю, почему у тебя сразу на обоих глазах ячмени.

Я обиделся на старлея за то, что он проигнорировал мое повествование, и молчал.

– Витюха! Это же все из-за того, что ты здесь – в Чернобыльской тридцатикилометровой зоне. Понял? То есть из-за гамма излучения, – сообщил Серега, словно делая научное открытие.

– Пошел ты со своим гамма, знаешь куда, – буркнул я, теряя терпение.

– А знаешь, Витька, ты похож на сову в пилотке, вот на кого! – «дозик» заржал, и долго не мог успокоиться.

– Ладно, бывай, Серега, я пошел... – сказал я.

– Вить, задержись, на секундочку, пожалуйста. Я же тебе не рассказал: я такой метод знаю от ячменей, закачаешься. Рекомендую. И не сомневайся. Проверено на себе!

– А что надо делать? – спросил я с надеждой.

– Что надо? Все очень просто! Вот, представь, перед тобой ячмень. Его, гада, надо обругать со страшной силой. Понял?

– Как это... обругать? – недоумеваю я.

– А так. В прямом смысле. Главное, не стесняйся в выражениях, не стесняйся! Как пить дать – здоровье восстановится, будто ничего и не было.

– Да я и ругаться-то, как следует, не научился, – возразил я.

– Ну и зря, капитан. Офицер без крепкого словца все равно, что заяц без ушей. Я засмеялся, но подумал, что сравнение неудачное.

«Ах, ты гад ползучий! Ублюдок, сволочь, недоносок, придурок...! Чтоб тебя...», – я начал про себя применять метод Лутченко.

Ох, как же я ругался! Минут пять, не меньше, ругался.

Подождал еще минут десять и кинул взгляд в карманное зеркальце. Ишь, ты! Пылает красным знаменем, паршивец, и никакое мое сквернословие на него не действует.

Подождал еще несколько минут. Нет, не проходит боль. Видимо, метод Лутченко не вполне научный. Мои ячмени оказались крепким орешком.

На летучке, которую начальник полковник Вершинин старался проводить как можно быстрее, всем офицерам давались задания на день.

– Капитан Можаяев, что у вас с глазом творится? – спросил Вершинин, свирепо шевеля ветками черных усов.

Я, оробевши, поднялся с места и замешкался с ответом, придумывая, что бы такое сказать.

– Я догадываюсь, – произнес, довольный своей смекалкой, начальник. – У вас настоящий ячмень. И я укажу точную причину. Это всё оттого, что вы, Можаяев, приехали сюда, в тридцатикилометровую зону. Радиация – это вам совсем не шутка, знаете ли. Убежден, что это всё именно из-за неё. На сегодняшний день отстраняю вас от полевых заданий. Будете работать с документами при штабе.

Вскоре повстречался мне подполковник Пятыгин, который, завидев мой правый воспаленный глаз, немедленно начал рекомендовать свой личный метод:

– Ты, главное, капитан, не терпи эту штуку. Не терпи. Собери волю в кулак, понял? И, главное, мыльца, мыльца, туда засунь, понял, в глаз-то пораженный? Ну, ты понял, нет?

– Я понял, понял, – соглашался я.

– А лучше всего хозяйственное мыльце применить, понял? И поверь: все, как рукой снимет. Точняк верный говорю! На своей шкуре попробовал! – подполковник звучал крайне убедительно.

«И этот на себе проверял», – подумал я.

После неудачи с не вполне научным методом Лутченко, я вздохнул, обрадовавшись. Почувствовал, что теперь-то, наверняка, я спасен. Вот он, правильный метод. Кинулся в туалетную комнату, схватил хозяйственное мыло и сделал все по методу подполковника Пятыгина. В глазу защипало так, словно в него клюнул петух. Терпя сильную боль, подождал несколько минут. Казалось, прошла вечность. Что-то не помогает. Даже хуже стало. Боль усилилась до невозможности терпеть.

Проявляя некоторые признаки героизма, пытаюсь добраться до своего отдела, находящегося в соседнем здании. На моем плече болтается морской дозиметрический прибор. У входа в здание – произошла задержка. Меня остановил генерал из опергруппы Генштаба и приказал:

– Капитан, измерь вот ему, – показывая на стоящего рядом контр-адмирала, начальника особой зоны, – измерь загрязненность его фуражки.

Я приложил прибор к морской фуражке и доложил: «Ноль». На лицах начальников раздражение и недоверие.

– Не может быть. А ну-ка проверь мои ботинки.

Я прикладываю головку прибора к генеральским штиблетам и докладываю то же самое: «Ноль».

Генералитет машет на меня руками:

– Капитан, выбрось свою игрушку, она у тебя неисправная!

Контр-адмирал, всмотревшись хорошенько в мою физиономию, рассмеялся:

– Нет, игрушка у капитана исправная. У него со зрением неполадки. Посмотри, какой ячмень у бедняги!

Захожу в свой отдел. Народ у нас там совершенно замечательный, с понятием, – конечно, в момент приметил моего красавца и стал упражняться в милосердии.

– Что, Витёк, больно, небось, на белый свет глядеть? – спросил Сережка Быков, сосед по рабочему кабинету.

– Угу, – ответил я, преодолевая боль.

– А ты чайком, чайком действуй. Приложи заварочку-то, – излагал он мне другой путь спасения и облегчения жизни.

Ну, этот метод даже я знал. Применил его с использованием грузинского чая второго сорта. Другого чая под рукой не оказалось. Целый час ждал облегчения. Нет, не помогло. Видать, совсем дрянной чай. Все-таки второй сорт. Одни ветки туда нарубили.

Коллега капитан Гостев притащил для меня чай получше – индийский с тремя слонами на коробке. Вот он меня, думаю, обязательно выручит. Нет, не выручил. Ячмень не рассосался, и боль не утихла.

Я был на грани отчаяния. Шел по коридору. Навстречу мне попала лаборантка Васькина из лаборатории радиационной медицины. Глянула на меня. И вдруг... как плюнет. Да так точно. Прямо в мой правый глаз.

– Ну ты, Васькина, это... полегче как-то. Поосторожнее плюйся. И вообще, я не понимаю, верблюдиха ты, что ли?

Пока я возмущался антиобщественным поведением лаборантки Васькиной, то неожиданно почувствовал, что боль исчезла, и глаз не саднит больше.

«Вот те – на!» – подумал я и взглянул на Васькину.

Васькина широко улыбалась. Потом сказала:

– А мой метод самый надежный, не так ли, Витек?!

Квартирный вор

Солонский, плечистый лысоватый мужчина, имел богатую адвокатскую практику в Москве, красавицу жену и дочь десяти лет. Когда в мае семья умчалась отдыхать в Паттайю, Солонский прикатил на дачу. Там нужно было подготовить всё к приезду своих домочадцев. Адвокат, несмотря на финансовую обеспеченность, на даче работать предпочитал сам, без помощи наемных рабочих.

– Смотри же, Нилушка, чтобы к нашему заезду на фазенду там всё блестело! – вспомнил адвокат слова жены.

Нил Петрович знал характер своей Софьи Никифоровны: если что не так – вселенский скандал обеспечен. Поэтому, не успев, как следует, осмотреться и отдохнуть с дороги, без промедления взялся он за работу: быстро убрался по дому; выполнил необходимые работы по саду – замазал специальной мазью на стволах яблонь сколы, трещины и сучки; тщательно пробелил каждый ствол; освободил почву вокруг деревьев от прошлогодних листьев и гнилых яблок, а также от обуглившихся, пузырчатых остатков снега.

Когда после окончания работ Нил Петрович собрался отдыхать, в кармане завибрировал мобильный телефон.

– Алло, – отозвался Нил Петрович.

– Хватит аллэкать, бери шинель – иди домой! – рокотал в трубке веселый и не очень трезвый голос.

Солонский узнал бесшабашного одноклассника Софрона Шупикова.

– А-а. Это ты, Шупик? Что нужно?

– Я, может, просто так звоню, – Софрон хихикнул.

– Просто так ты никогда не звонишь. Мне некогда, говори, что надо? – адвокат начинал злиться.

– Переживаю за твою прическу. Небось, отрастил кудри. Советую срочно купить расческу, – куражился одноклассник.

Терпение Нила Петровича лопнуло, он отсоединился и пошел в дом, чтобы рухнуть на диванчик и вздремнуть под шумок включенного телевизора.

Софрон позвонил снова. Солонский нехотя проворчал в трубку:

– Шупик, или говори по делу или отвянь от меня.

– Говорю по делу – дай денег, я совсем пустой, – попросил одноклассник.

– Ладно, приезжай ко мне, дам тебе рублей сто, – не удержался от смешка Нил Петрович.

– Издеваешься? – возмутился Шупик. – Сто рублей! Мне даже на чекушку не хватит!

А еще одноклассник называется! За одной партой сидели!

– Никогда я с тобой вместе не сидел, – возразил Солонский. – Ты всегда сзади меня сидел и сдирал у меня контрольные!

– Значит, не дашь мне займы, ну, хотя бы пятихатку?

– Не дам, – отрезал адвокат.

– Ну, тогда расскажу тебе кое-что, – с некоторым злорадством произнес Софрон. – Тебе это не понравится.

– Валяй, Шупик, рассказывай. Хотя, что ты можешь рассказать: что в мою квартиру залезла шаровая молния или залезли воры?

– В тебе пропадает Вольф Мессинг. Удивляюсь, как ты угадал насчет воров? И ты так спокойно об этом говоришь?

– Что я угадал? Не говори загадками. О каком спокойствии ты тут вякаешь? – Нил Петрович снова занервничал.

– Перед тем, как звякнуть тебе на дачу, я позвонил на твой домашний.

– Ну и...?

– Трубку снял какой-то мужик и сообщил, что ты – на даче, – ехидно проговорил Софрон.

– Какой мужик? У меня не может быть никого. Квартира – на сигнализации, – кипятился Солонский. – Все на контроле.

– Никогда не говори «никого», – пошутил одноклассник, перефразировав известное выражение.

– И ты молчал до сих пор? Почему сразу не сказал? – возмутился Нил Петрович.

– А потому, что ты бы уехал домой и не дал бы мне взаймы денег.

– Софрон, признайся, ты меня разыгрываешь!? – адвокат не поверил сообщению Шупика. – Я же помню тебя в школе, ты всегда любил подколоть товарища. Помню, как ты мне на первое апреля...

– Позвони тогда домой сам, – перебил Софрон и выключил телефон.

Нил Петрович озадаченно смотрел на замолчавший мобильный, затем набрал свою квартиру.

– Да, вас слушают, – незнакомый мужской голос звучал спокойно.

– Он слушает, надо же! Придурок! – закричал Солонский. – Ты кто? Что ты делаешь в моей квартире?

– Вы знаете, любезный, во-первых, я в таком тоне ни с кем не разговариваю. Во-вторых, оскорблений не терплю, – прежним спокойным тоном отвечал мужчина.

Нил Петрович отшвырнул лопату, которая долетела до середины участка. Кисть, которой дачник белил стволы, полетела в сторону забора и оставила на нем большую белую кляксу. Ведро с раствором получило удар ногой и с грохотом опрокинулось.

– Слушай, ну ты – нахал! Проник, значит, в мою квартиру и еще выпендривается?! Быстро говори, что ты делаешь у меня дома? – завопил Солонский.

– Нил Петрович, если вы не прекратите мне «тыкать» и говорить грубые словечки, то я на каждое ваше такое слово буду ломать или резать ножичком по одной вашей вещице. А они все у вас ценные. Это вас устроит?

– Откуда вы знаете мое имя? – Солонский перешел на более спокойный тон, опасаясь за свои вещи.

– Знаю. Хорошо подготовился, прежде чем посетить ваши апартаменты. Кстати, для удобства зовите меня условно, скажем, Иван Ивановичем.

– Ладно. Допустим, я погорячился, – проговорил Нил Петрович. – Но, повторяю вопрос: скажите, что вы делаете в моей квартире? И вообще, как вы смогли пробраться в неё? Она, между прочим, на сигнализации в полиции.

– Я работаю системным администратором, в свободное время балуюсь хакерством. Я ответил на ваш вопрос?

– Нет.

– Что тут непонятного? Для меня отключить сигнализацию – не проблема. Ясно теперь?

– А вы не боитесь, что я сейчас позвоню в полицию и... – Нил Петрович перешел к угрозам.

– Звоните, – ответил непрощеный квартирный гость. – Убежать я успею, не сомневайтесь. Запасной выход мною подготовлен.

– Вы такой проворный, да? Кстати, теперь мне понятно значение слова «проворный». Оно происходит от слова «вор».

– Ваши лингвистические домыслы меня не колышат, – сказал Иван Иванович.

– У меня есть «Сайга». Я быстро приеду и пристрелю вас! Или придушу, как цыпленка! – продолжал угрожать Нил Петрович.

– Верю. Но, ради бога, не смешите. Это вы из Балашихинского-то района быстро приедете? Сомневаюсь. Вы, дорогой Нил Петрович, забыли о пробках, особенно на Горьковском шоссе! – голос гостя был насмешлив.

– Иван Иванович, или как вас там... Вот вы упомянули Бога. Не понимаю, как это согласуется с тем, что вы залезли ко мне, как вор-форточник? – адвокат сменил тему.

– Бога я упомянул по привычке.

– Не бойтесь, что Он вас накажет? – Нил Петрович решил зайти с другого козыря.

– Не боюсь – мне ваши деньги и имущество не нужны.

– Неужели? Тогда я вас совсем не понимаю. Вы – шизофреник, да?

– Никогда не страдал этой ерундой. Просто я ненавижу адвокатов.

– Ненавидите? – удивился Солонский. – Вот те на! Интересно – за что? И что плохого сделал вам лично я?

– Вы – ничего. Но из-за такого же адвоката, как и вы, был оправдан злодей, сбивший на BMW мою жену. Она осталась инвалидом.

– А-а. Теперь догадываюсь: вам не хватает денег для её лечения, – догадался Нил Петрович.

– Нет. Я хорошо зарабатываю. Калечить или убивать вас я не собираюсь. Моя цель, чтобы многие из вас не могли бы жить на широкую ногу. Один из способов – портить ваше имущество. Вы у меня второй по списку.

– Вы с ума сошли. Вообразили себя Деточкиным. Но тот хотя бы помогал детдомам. У вас же – банальная месть. Бог вас точно накажет.

– Не месть, а справедливость, – поправил собеседника Иван Иванович. – А вообще-то, смешно. Какой Бог? Нет никакого Бога. Где был Он, когда в суде оправдали преступника? Почему Он не покарал его тут же в зале суда?

– Хм... Бог накажет грешников только после своего Второго Пришествия. Тогда Он устроит Страшный Суд, во всем разберется, и ваш обидчик отправится напрямик в Чистилище. Вы не знаете христианские каноны.

– Нил Петрович, меня это не устраивает. Мне нужно здесь и сейчас, – заявил Иван Иванович.

– А знаете, Иван Иванович, может быть, преступник, наехавший на вашу супругу, будет наказан здесь и сейчас, фигурально выражаясь. Например, завтра или через неделю, заболит саркомой легкого. Вы читали «Мастера и Маргариту» Булгакова?

– Да читал, читал. Сказка. Красивая сказка, – грустно сказал Иван Иванович.

Солонский вдруг почувствовал нелепость возникшей ситуации, ее странность и дикость. Что-то подкатило к горлу Нила Петровича: сначала он смеялся тихо, затем все громче, далее смех превратился в хохот, который с большим трудом удалось прекратить. Казалось, что с адвокатом случился истерический припадок.

– Что с вами, Нил Петрович? – спросил Иван Иванович.

– Я представил наш диалог и понял, что он очень странный, ненормальный. Вот я и не сдержался, – объяснял Нил Петрович. – Вы забрались ко мне в квартиру. Собираетесь мне, как адвокату, мстить. При этом мы с вами вполне культурно рассуждаем о высоких материях, о Боге, о Страшном Суде, словно ничего не происходит. Фантасмагория какая-то, не находите, Иван Иванович?

– Да, действительно, есть немного. Но изменить я ничего не могу и не хочу, поймите, – ответил Иван Иванович.

– А знаете, у меня появилась идея! – воскликнул Нил Петрович. – Я, кстати, хороший адвокат. У меня нет ни одного проигранного дела за тринадцать лет практики.

– Поздравляю. Уважаю. Вижу, что вы и человек-то вроде неплохой. Но я ведь решил... Я поклялся, – Иван Иванович говорил не совсем уверенно и голос его несколько дрожал.

– Итак, я предлагаю вам встретиться. Пойдемте с вами в какое-нибудь место, ну, скажем, в кафе, и обсудим ваше дело, – Нил Петрович предлагал искренно. – Обещаю вам, что мы что-нибудь придумаем. Не бывает безвыходных ситуаций. Поверьте, я добьюсь пересмотра дела в высших инстанциях. Думаю, что мы выиграем.

– Ну, не знаю, не знаю, – Иван Иванович замялся от неожиданного предложения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.